



ИЗДАНИЕ  
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО  
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

# КУЛЬТУРНЫЙ КОД

ЖУРНАЛ  
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО  
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ  
2018/№1

**Cultural Code**

*Journal of Perm State Institute of Culture*

ISSN 2658-3852

# *КУЛЬТУРНЫЙ КОД*

1'2018

## **Учредитель**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ  
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Журнал выходит 4 раза в год

Точка зрения авторов публикаций  
может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка материалов без разрешения редакции журнала  
«Культурный код» не допускается.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 614000 ПЕРМЬ, УЛ. ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА», 18

Электронная копия журнала размещена на сайте <http://www.psiac.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.  
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-73298 от 20.07.2018

© Пермский государственный  
институт культуры, 2018

**Главный редактор – Л. И. Дробышева-Разумовская**

**Заместитель главного редактора – А. А. Лисенкова**

**Редакционный совет:**

Е. В. Абдуллаев (Toshkent, O‘zbekiston), Н. Н. Гашева (Пермь),  
Н. Б. Зубарева (Пермь), Sándor Kálai (Debrecen, Magyarország)  
О. Л. Лейбович (Пермь), А. М. Лобок (Екатеринбург), Н. А. Петрусева (Пермь),  
М. Е. Пылаев (Пермь), Л. Д. Пылаева (Пермь), Н. С. Розов (Новосибирск),  
Laura Salmon (Genova, Italia), Р. И. Сергиенко (Беларусь, Минск),  
Luca Somigli (Toronto, Canada), Г. Л. Тульчинский (Санкт-Петербург)

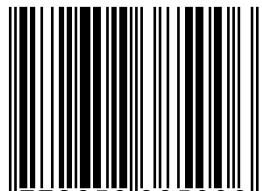
**Редакционная коллегия:**

Л. Д. Благовещенская (Новосибирск), Н. Н. Вотинцева (Пермь),  
А. Л. Глушаев (Пермь), А. Н. Ильин (Омск), А. В. Корчинский (Москва),  
А. А. Лисенкова (Пермь), П. А. Моисеев (Пермь), М. В. Софьина (Пермь),  
А. А. Суворова (Пермь), А. Б. Танасейчук (Саранск), Е. М. Четина (Пермь),  
М. М. Чудинова (Пермь)

**Ответственный редактор – М. В. Софьина**

**Выпускающий редактор – П. А. Моисеев**

ISSN 2658-3852



9 772658 385006 >

ISSN 2658-3852

# *CULTURAL CODE*

1'2018

## **Founder**

FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION  
«PERM STATE INSTITUTE OF CULTURE»

Frequency: Four times a year

The authors' viewpoints may not coincide with the opinion of the Editorial board.

Reprinting without permission of the Editorial board is not allowed.

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 18 GAZETY «ZVEZDA» ST., PERM 614000, RUSSIA

Electronic copy of the journal is available at <http://www.psiac.ru>

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.  
The certificate of registration of mass media is ПИ № ФС 77–73298 from July 20, 2018

© Perm State Institute  
of culture, 2018

**Editor-in-chief** – L. I. Drobysheva-Razumovskaya

**Senior Editor** – A. A. Lisenkova

**Board of advisory editors:**

E. V. Abdullaev (Toshkent, O'zbekiston), N. N. Gasheva (Perm'),  
S. Kálai (Debrecen, Hungary), O. L. Lejbovich (Perm'), A. M. Lobok (Ekaterinburg),  
N. A. Petruseva (Perm'), M. E. Pylaev (Perm'), L. D. Pylaeva (Perm'),  
N. S. Rozov (Novosibirsk), L. Salmon (Genova, Italia),  
R. I. Sergienko (Belarus', Minsk), Luca Somigli (Toronto, Canada),  
G. L. Tul'chinskij (Saint-Petersburg), N. B. Zubareva (Perm')

**Editorial board:**

L. D. Blagoveshenskaya (Novosibirsk), E. M. Chetina (Perm'),  
M. M. Chudinova (Perm'), A. L. Glushaev (Perm'), A. N. Il'in (Omsk),  
A. V. Korchinskij (Moskva), A. A. Lisenkova (Perm'), P. A. Moiseev (Perm'),  
M. V. Sofina (Perm'), A. A. Suvorova (Perm'), A. B. Tanasejchuk (Saransk),  
N. N. Votintseva (Perm')

**Executive editor** – M. V. Sofina (Perm')

**Originating editor** – P. A. Moiseev (Perm')

ISSN 2658-3852



9 772658 385006 >

---

## СОДЕРЖАНИЕ

---

**Вступительное слово главного редактора** ..... 7

### **КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Вольский Николай*

Почему начальники не любят интеллигентов? Часть 1 ..... 8

*Глушаев Алексей, Костицина Ольга*

Масленица или Проводы русской зимы. Как конструируется современная  
праздничная культура ..... 22

*Клепиков Владимир*

Человек в истории, или Биографический канон позднесоветской культуры ..... 33

*Лейбович Олег*

Архаические практики в современной культуре ..... 40

### **ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

*Суворова Анна*

Понятие «искусство аутсайдеров»: границы и смежные феномены ..... 46

### **РЕЦЕНЗИЯ**

*Мацевич Мария*

С. М. Алейникова «“Русский мир”: белорусский взгляд»: монография ..... 56

**Резюме** ..... 60

**Сведения об авторах** ..... 71

## CONTENTS

---

---

Opening remarks by the editor-in-chief ..... 7

### CULTURAL STUDIES

*Volsky Nikolay*

Why do bosses not like the members of intelligentsia? ..... 8

*Glushaev Aleksey, Kostitsyna Olga*

Shrovetide or farewell to the Russian winter. How modern festive culture is  
constructed..... 22

*Klepikov Vladimir*

Man in history, or biographic canon of late-soviet culture..... 33

*Leybovich Oleg*

Archaic practices in modern culture..... 40

### ART STUDIES

*Suvorova Anna*

The term «outsider art»: boundaries and related phenomena ..... 46

### REVIEW

*Matsevich Maryia*

Myths and realities of the «Russian world». Book review: Alenikova S.  
«Russian world»: view on Belarus. – Minsk: RIHS, 2017. – 240 p. .... 56

**Abstracts** ..... 63

**List of Authors** ..... 72

## КУЛЬТУРОЛОГИЯ

---

---

УДК 304

*Н. Н. Вольский*

### ПОЧЕМУ НАЧАЛЬНИКИ НЕ ЛЮБЯТ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ?

#### Часть 1

#### Вопрос в лоб

Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что вопрос, вынесенный в заглавие, поставлен по существу. Ведь действительно не любят. Невозможно отрицать это, не вступая в конфликт с массой известных каждому фактов, жизненных случаев и литературных примеров. При этом все понимают, что речь идет не о простом отсутствии нежных чувств к тем немногочисленным лицам и общественным группам, у которых распоряжающийся и приказывающий субъект усматривает некие признаки интеллигентности. Начальники (буду называть их так, не пытаясь определить более точно, – и без этого ясно, о ком идет речь) вообще мало кого любят ниже своего уровня, да и с какой стати им пылать любовью к подчиненным, которые их тоже, надо сказать, не особенно жалуют. Но одно дело просто не любить, а другое – испытывать активную нелюбовь. Такая нелюбовь по степени пылкости вполне может соперничать с истинной любовью, приобретая по временам, так же, как и она, черты иррационального, не подвластного разуму и логике чувства. Именно такую, идущую из глубины души и часто не осознаваемую неприязнь к интеллигентам питает тот, кто чувствует себя начальником, руководителем, тем, кому по должности обязаны подчиняться другие люди. Как заведующего отдела очистки начинало ломать и корежить при виде промелькнувшей кошки, так и настоящий руководитель (начальник по призванию и сущности) не может не чувствовать душевного дискомфорта, сталкиваясь с малейшими проявлениями интеллигентности или с какими-то поведенческими реакциями, свойственными ненавистному племени. Даже само понятие и слово, его обозначающее, вызывают у типичного начальника глухое раздражение и злость. Можно ли себе представить опытного матерого начальника, который, желая похвалить подчиненного,



охарактеризует его как «глубоко интеллигентного сотрудника»? Тот, кто сможет это сделать, не дрогнув и не выдав себя, либо недюжинный лицемер, либо нетипичный начальник, и его собственному начальству стоит поинтересоваться, по праву ли он занимает руководящий пост.

Конечно, все вышесказанное следует рассматривать лишь как идеализированную модель широко распространенной жизненной ситуации. В реальной жизни практически не встречаются ни *Идеальные начальники*, душевные реакции которых однозначно определяются их начальственной сущностью, ни *Идеальные интеллигенты*, не обладающие никакими другими человеческими чертами, кроме всеобъемлющей интеллигентности. Все люди разные, и отношения, в которые они вступают, весьма разнообразны. А потому в конкретном случае реакция на подчиненного может определяться не столько его интеллигентностью, сколько тем, что он сосед по даче, или очаровательная женщина, или прекрасный игрок в преферанс. Все это очевидно. Однако столь же очевидно, что описанная выше тенденция существует, она глубоко укоренена в психологии современного начальства<sup>1</sup> и прокладывает себе путь через все жизненные хитросплетения.

И тогда возникает закономерный вопрос: а за что, собственно, эти бяки-начальники так невзлюбили интеллигентную публику? Чем она так уж режет начальственное око и вызывает у начальствующих изжогу и разлитие желчи? Конечно, многие интеллигенты далеко не сахар, но ведь и обычные люди (т.е. все трудоспособное население минус начальники и минус интеллигенты) не лишены тех же недостатков. Скорее наоборот. Интеллигент в среднем лучше воспитан, более аккуратен, ухожен, реже хамит и обычно не склонен к пьяному буйству и безобразиям, чего не скажешь о среднестатистическом гражданине нашей страны. Казалось бы, такие люди имеют все основания рассчитывать на благосклонное отношение тех, кто управляет разнообразными социальными и производственными процессами. Да и бытовое общение с ними в процессе работы проще и приятнее. И тем не менее начальники игнорируют все эти – для начальства же удобные – качества своих интеллигентных подчиненных и продолжают относиться к ним с недоверием и неприязнью. Начальственный (подсознательный) вывод можно, вероятно, сформулировать так: всем был бы хорош Евгений Николаевич – и образован, и умен, и на гитаре прекрасно играет – если бы не эта его интеллигентность, черт бы ее побрал.

---

<sup>1</sup> Мне трудно судить, как относились к интеллигентным людям Суворов или Александр Македонский. Но не удивлюсь, если окажется, что неприязненное отношение к ним существовало задолго до XIX века (о котором я могу судить по классической русской литературе) и что оно характерно не только для России, но и для прочих стран и народов.

Как ни относиться к умственным способностям нашего начальства (я, кстати сказать, не склонен их переоценивать), но все же нельзя не признать, что большинство из них вполне здоровые, трезвомыслящие люди, способные выбрать рациональную линию поведения. И если они массово выбирают стереотип, при котором избыточная интеллигентность приравнивается к непогашенной судимости за кражу со взломом или пребыванию на оккупированной территории, значит этому должна быть какая-то разумная причина. Посмотрев на проблему чуть шире, придется констатировать, что и все прочие обычные люди не питают к интеллигентам нежных чувств, чураются их и склонны при любых неприятностях записывать на счет «четыреглазых» всяческие свои истинные и воображаемые беды и несчастья. Говоря о себе: «Мы – люди простые», обычный человек чаще всего проводит границу не столько между «нами» и какими-то социально привилегированными слоями (богатыми, знатными, начальниками и т.п.), сколько между обычными людьми («нормальными», «такими, как все») и этими «умниками», «высоколобыми», вечно куда-то встречающимися и выдумывающими сложности на ровном месте, короче говоря, интеллигентами. Хрущев, сокрушавший «педерастов в искусстве» на выставке в Манеже и грозивший им всяческими карами, выступал не столько как большой начальник, имеющий право крушить и стирать в порошок всякого, кто ему не понравится, сколько в качестве «простого человека», представителя того всеобъемлющего «мы», по сравнению с которым все эти «извращенцы» вместе взятые представляют ничтожно малую величину. И в данном случае ссылка на «народ», которому не нужно такое искусство, не была обычной советской демагогией. Нет сомнений, что обычного человека (независимо от его социального статуса) авангардистские художественные конструкции раздражили бы так же, как и главу государства. В вопросе отношения к интеллигентам «народ и партия едины». Дело, таким образом, не в начальниках – они оказываются лишь чувствительным прибором, с помощью которого можно легко измерить степень раздражения обычных людей, – дело в самих интеллигентах. Надо понять, чем они отличаются от прочих и что в их способе жить и в их душевной организации вызывает отторжение окружающих, то есть надо решить, что они из себя представляют. И здесь мы переходим к вопросу, ради выяснения которого, собственно, и написана эта статья, к вопросу: *что такое интеллигентность*.

### **Тайна сия велика есть**

На первый взгляд кажется, что решение этого вопроса не должно представлять особых трудностей. Интеллигенты у всех перед глазами, они никуда не прячутся, достаточно сравнить их с прочими людьми и найти то отличие, которое

---

и делает их интеллигентными. Непонятно, какие здесь могут быть трудности и в связи с чем могут возникнуть споры относительно определения соответствующего понятия. Если любой туповатый начальник может за версту учуять интеллигента, то, казалось бы, о чем тут копы ломать. Но на поверку все оказалось сложнее, чем можно было бы предполагать. Споры о том, что такое интеллигенция и какими качествами должен обладать человек, чтобы мы признали его интеллигентом, тянутся уже больше столетия и конца им пока что не видно. За это время были высказаны все возможные мнения, предложены десятки разнообразных способов и критериев, позволяющих провести более или менее ясные границы между интеллигенцией и прочими, не принадлежащими к ней людьми, однако ни один из предлагаемых вариантов решения этой терминологической проблемы не был достаточно убедителен для большинства спорящих и не получил всеобщего признания.

Длющиеся десятилетиями публичные дискуссии на эти темы породили огромную литературу. Даже если выбросить всю относящуюся сюда макулатуру, написанную для заполнения журнальных страниц и для расширения «списка работ по теме диссертации», останется неисчислимое количество книг и статей, авторы которых искренне старались разобраться в данном вопросе и высказывали свои мнения, волей-неволей многократно повторяя друг друга. Уже сама длительность обсуждения неизбежно должна была привести и привела к тому, что на каждом новом витке дискуссии она двигалась по колеям, уже заезженным предшествующими поколениями. С одной стороны, такое положение вещей делает совершенно невозможным краткий обзор мнений, высказанных по интересующему нас вопросу, а с другой – порождает сомнение в том, что такой обзор был бы плодотворным и существенно подвинул бы нас к решению вопроса о значении термина *интеллигентность*. Заранее можно не сомневаться, что за сто лет было высказано много верных и метких определений обсуждаемых понятий, но вычленив их из всей имеющейся налицо путаницы мнений и воспринять эти суждения как истинные, как искомое решение вопроса, вероятно, не так-то просто – иначе это давно было бы сделано. Поэтому, оставив пока что в стороне историю вопроса, попытаемся подойти к его решению с несколько иной стороны.

Мое предположение заключается в том, что значительная часть возникшей на протяжении десятилетий и всякий раз при рассуждениях на эту тему возобновляющейся путаницы обусловлена смешением нескольких близких и взаимосвязанных, но все же различных понятий.

Центральное ядро этого словесного гнезда составляют слова *интеллигентный*, *интеллигентность*, *интеллигент* и *интеллигенция*, несколько на периферии располагаются *интеллигентский* и *интеллектуальный*, *интеллектуал*, *интелигивельный*. Эти слова появились в русском языке лишь недавно (вошли в широкое употребление на протяжении XIX века) и представляют собой

заимствования из латинского языка, в котором с классических времен существует гнездо слов, чьи значения связаны с понятиями *рассудок, разум, познание, восприятие*<sup>1</sup>. Попавшие к нам в основном через французский и немецкий языки, слова эти не утратили своей связи с исходным, свойственным латинскому языку набором понятий и достаточно хорошо корреспондируют с соответствующими производными словами в других европейских языках, однако в русском языке они, как это часто бывает, приобрели своеобразные оттенки значений и в большинстве случаев их современного употребления обозначают совсем не то, что обозначается тем же, на первый взгляд, словом в немецком или, например, английском языке. Несмотря на то, что этимология этих русских слов вполне прозрачна и ясна, она не дает нам возможности четко определить их сегодняшние значения. Чтобы уяснить их смысл, мы должны руководствоваться главным образом своим собственным языковым чутьем, проверяя им любые принятые нами определения.

История появления и распространения в русском языке интересующих нас слов выяснена очень детально, если не сказать исчерпывающе<sup>2</sup>. В дневниковой записи В. А. Жуковского от 2 февраля 1836 года –

«...осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию...» [цит. по: Степанов, 2001, с. 678].

– термин *интеллигенция* легко истолковать как примененный в его исходном «латинском» значении, как «(высший) разум». Однако уже здесь он связывается с определенным кругом людей, с социальной группой, которая концентрирует в себе этот разум (понимание, умение, искусство) и представляет в обществе от его имени. Очень быстро второе значение полностью вытеснило первоначальный смысл слова, и со второй половины XIX века в русском языке *интеллигенция* означает лишь особую общественную группу, взявшую на себя роль органа мышления – мозга общества<sup>3</sup>. Отсюда и русское *интеллигент* понимается как «человек, принадлежащий к интеллигенции» [Ожегов, 1968, с. 245], т.е. как некто, признаваемый окружающими в качестве члена данной социально

---

<sup>1</sup> «Intellectus – ощущение, понимание, познание, рассудок, смысл, художественный вкус; intellectivus, intellectualis – интеллектуальный, умозрительный, теоретический; intellegentia – понимание, рассудок, познавательная сила, понятие, умение, искусство; intellego – воспринимать, замечать, познавать, мыслить, знать толк, разбираться» [Дворецкий, 2000, с. 412].

<sup>2</sup> Для краткого обзора см. Виноградов, 1999, с. 227–229; Степанов, 2001, с. 668–690; Гаспаров, 2001, с. 88–91.

<sup>3</sup> В отличие, например, от немецкого или английского языков, в которых аналогичный термин сохранил исходный заимствованный смысл: «die Intelligenz – 1. Ум, интеллект... понятливость, смьшленность...» [Большой немецко-русский словарь, т. 1, 1969, с. 670]; «intelligence – 1. Ум, интеллект, умственные способности...» [Большой англо-русский словарь, т. 1, 1979, с. 724].

оформленной группы. Поскольку формального членства в ордене интеллигенции не предусмотрено и не существует общепризнанных инстанций, присваивающих человеку право именоваться интеллигентом, необходимы какие-то пусть косвенные, но все же ясные большинству критерии, пользуясь которыми, мы могли бы определить, принадлежит ли тот или иной индивид к интеллигенции.

Жуковский, вероятно, не сомневался, что в современной ему России за пределами дворянства (четко очерченной группы) не имеет смысла искать лиц, чья деятельность и чьи мнения имели бы какое-то значение для совершающегося в обществе мыслительного процесса. Российское общество руководствовалось в своей жизни только тем уровнем понимания стоящих перед ним проблем, которого к этому моменту достигло его дворянство, – все разумные элементы, находившиеся вне этого круга, никакого влияния на общественную мысль не оказывали. Более того, «русскую европейскую интеллигенцию» поэт ограничил «лучшим петербургским дворянством», т.е. дал ей очень расплывчатое определение, но при этом сузил круг интеллигенции настолько, что все ее члены были ему лично знакомы и при необходимости он мог бы перечислить их поименно. Однако ясно, что такое «личностное» решение терминологической проблемы не может быть удовлетворительным. Поэтому очень быстро место основного критерия принадлежности к интеллигенции заняло образование (точнее, европейское образование). Достижение определенного уровня образованности, можно сказать, автоматически давало право считаться интеллигентом. Гимназиста еще так назвать нельзя, но, вероятно, он вскоре пополнит ряды интеллигенции, человек же, хотя бы несколько лет проучившийся в университете, вполне может называть себя интеллигентом, особенно если он выбрал себе какое-то требующее образованности занятие и его стиль жизни соответствует типичному интеллигенту. Несмотря на то, что интеллигенция вплоть до революции рекрутировалась в значительной степени из дворян и окончившие университет получали личное дворянство, в целом эта общественная группа стала внесословной, включающей в себя всех европейски образованных людей. До сих пор образованность служит главнейшим признаком, позволяющим причислить кого-либо к интеллигенции<sup>1</sup>.

И все же наше языковое чутье не позволяет нам считать *образованность* и *интеллигентность* синонимами. В нашем языке понятия, стоящие за этими словами, не совпадают, хотя между ними и имеется довольно тесная связь. Из опыта мы знаем, что далеко не всякого получившего образование можно назвать интеллигентным человеком. Кстати сказать, наш исходный тезис предполагает, что начальники, большинство которых имеет сегодня весьма высокий уровень

---

<sup>1</sup> «**Интеллигенция.** Социальная прослойка, состоящая из работников умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры». [Ожегов, 1968, с. 245].

образования, не считают интеллигентность своей характерной чертой, она их скорее раздражает и вызывает отторжение. Мы держимся о них того же мнения и, стоя перед дверью начальственного кабинета, можем ожидать увидеть за ней какого угодно человека: умного, воспитанного, образованного, честного – все это может быть, но нам и в голову не приходит, что хозяином кабинета окажется интеллигент – это было бы слишком необычно. В то же время, можно согласиться, что в наши дни трудно представить себе типичного интеллигента, не имеющего никакого образования. Даже если у него нет соответствующего диплома, мы не сомневаемся, что он затратил много усилий на самообразование. Вероятно, образовательный процесс как-то все же связан с формированием интеллигентности и способствует ее развитию, хотя и не гарантирует высокий ее уровень у каждого, получившего образование.

Можно было бы успокоиться на том, что интеллигентный человек должен быть не только образованным, но и обладать еще чем-то, чего мы еще не сумели определить и что мы называем *интеллигентностью*. Однако такое деление всех окончивших вузы «работников умственного труда» на «истинных интеллигентов» и малоинтеллигентных «образованцев» терминологически избыточно. Предложенное Солженицыным словечко обладает явной полемической заостренностью и имеет целью разрушить привычное, но, как выяснилось, неадекватное представление о неразрывной связи между уровнем европейской образованности индивида и степенью его интеллигентности. Сорок лет назад полемика с этими сложившимися в обществе представлениями была вполне оправданной, и солженицынский неологизм сыграл свою роль в избавлении от устаревших взглядов. Сегодня же, когда всякому ясно, что не только формальное обладание дипломом, но и любые приобретенные путем старательного изучения специальные познания еще не свидетельствуют об интеллигентности рассматриваемого субъекта, когда стремительно разросшаяся за столетие интеллигентская «прослойка» на девяносто процентов состоит из явных «образованцев», нет никакого смысла сначала идти к определению *интеллигентности* через понятие *образованности*, а затем отрицать логическую связь этих понятий, повторяя тем самым уже снятый историей загиб общественной мысли. Следует, по-видимому, признать, что между образованностью и интеллигентностью нет необходимой внутренней связи, а тот факт, что в течение длительной эпохи между ними существовала теснейшая корреляция, приписать действию неких исторически преходящих внешних факторов.

### **Интеллигент vs интеллектуал**

Отражением такого хода мысли, разводящего интеллигентность и образованность в перпендикулярные друг другу плоскости, можно объяснить ставшее вполне обычным противопоставление западных *интеллектуалов* русским

*интеллектуалам*. При изложении этого взгляда подчеркивается, что свойственное западным странам наименование *интеллектуал* полностью исчерпывается указанием на уровень образования индивида и его род занятий<sup>1</sup>. Интеллектуал – человек, обладающий достаточным уровнем интеллекта и приобретший значительные специальные познания для того, чтобы выполнять определенную умственную работу, требующую высокой квалификации. С этой точки зрения, интеллектуалом следует признать всякого, кто более или менее успешно работает бухгалтером или учителем, но на практике таковыми обозначаются только специалисты, достигшие высоких ступенек социальной лестницы, чье мнение может оказывать значимое влияние в профессиональной среде, а за ее пределами восприниматься как авторитетное мнение эксперта. Поэтому журналист местной газеты еще не доказал своей принадлежности к кругу интеллектуалов, в то время как политический обозреватель столичного издания, выпустивший несколько нашумевших книг по проблемам многополярного мира – интеллектуал несомненный, принадлежащий, вероятно, к сливкам этого социального слоя. Вышеуказанное противопоставление невольно подталкивает к выводу, что существенное содержание, вкладываемое в понятие *интеллигент*, ничем, собственно, не отличается от того, которое на Западе связывается с существительным *intellectual* (*intellectuel*, *der Intellektuelle* и т.п.). Те же специфические неуловимые нюансы, которые приписываются русскому слову, никакого значения не имеют и ничему реально существующему не соответствуют, так что пресловутая *интеллигентность* не более как интеллигентская же выдумка, призванная еще резче подчеркнуть кастовую замкнутость этого общественного слоя и его отличие от массы «простых» людей. Дескать, сколько бы вы ни учились, а обрести наше специфическое качество и стать с нами вровень вам вряд ли удастся, и, самое главное, это мы будем решать, достаточно ли вы интеллигентны, чтобы мы приняли вас в свои ряды.

Как бы ни был прост взгляд, отрицающий существование интеллигентности как особого человеческого качества, принять его мешает обыденный здравый смысл: ведь мы – худо ли, хорошо ли – умеем определять в людях это качество. В подтверждение еще раз сошлюсь на начальственное чутье. Начальники, несмотря на свою склонность к самодурству, в основе своей трезвы, прагматичны, и если бы интеллигентность была лишь ничего не значащей выдумкой, они не стали бы обращать внимания на эту безобидную блажь. Кроме того, в выступлениях многих активных сторонников этого взгляда, так сказать, *идеологов движения за освобождение от фантома интеллигентности*, очень часто доминирует не радость по поводу избавления от интеллигентских умственных вериг, а открытое раздражение и даже озлобленность. Трудно отделаться от впечатления, что в

---

<sup>1</sup> «...западный “интеллектуал” – это специалист умственного труда и только, а русский “интеллигент” традиционного образца – нечто большее» [Гаспаров, 1999].

этих филиппиках есть нечто личное, что в них выражается глубоко переживаемая обида на тех, кто упорно держится прежних понятий об интеллигентности. В глубине этой идеологии слышится раздраженный вопрос: Чего вы от нас требуете? Какой-такой интеллигентности? Вот мы уже и дипломанты, и лауреаты, и Дерриду в подлиннике читаем, и на канале «Культура» фигурируем, и... Так какого же рожна вам надо? Чем мы отличаемся от вас?

Ясно, что все эти подозрения и соображения, вкуче с исходной интуитивной уверенностью в несомненном существовании в высшей степени интеллигентных и в то же время реальных людей, сильно снижают притягательность этих взглядов – открытых и последовательных сторонников у них немного. В то же время появление первых публикаций на эту тему вызвало оживленную и длительную дискуссию<sup>1</sup>, причем спорили между собой в основном те, кто склонен признавать – пусть с теми или иными оговорками – специфичность русского понятия *интеллигенция*, смысл которого нельзя передать иноязычным термином *intellectuals*. Казалось бы, при существующем соотношении сил проще всего было бы отмахнуться от несерьезных нигилистических воззрений на *интеллигенцию* и не обращать на них особого внимания. Если бы не одно «но». Дело в том, что, как ни легковесны взгляды нападающих на *интеллигентность* «нигилистов», окончательно развенчать их можно лишь одним способом: четко указав, чем *интеллигент*, в русском его понимании, отличается от *интеллектуала*. А с этим, как мы видим, дело обстоит не так просто. Поэтому-то дискуссия и вращалась, главным образом, вокруг извечного вопроса: что стоит за словами *интеллигенция*, *интеллигентный*, *интеллигентность*?

### Слова, слова, слова...

В спорах – в очередной раз – было высказано множество различных интересных мнений и соображений, но если их попытаться мысленно факторизовать, то обнаружится «первая главная компонента» этой проходившей в недавние годы и еще, по-видимому, не законченной дискуссии: большинство склонно было искать различие между *интеллигентами* и *интеллектуалами* в нравственной плоскости. Еще раз сошлюсь на мнение, высказанное М. Л. Гаспаровым, но свойственное далеко не ему одному. Вот несколько обширных выдержек из его уже цитированной статьи, специально посвященной обсуждению этой проблемы:

«Слово *интеллигентный* и Ушаков, и академический словарь определяют: “присущий интеллигенту, интеллигенции” с положительным оттенком: “образованный, культурный”. “Культурный”, в свою очередь, здесь явно означает не

---

<sup>1</sup> В качестве примера можно привести книгу, в которой опубликованы материалы международной конференции с очень представительным составом участников: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм, 1999.



только носителя “просвещенности, образованности, начитанности” (определение слова *культура* в академическом словаре), но и “обладающий определенными навыками поведения в обществе, воспитанный” (одно из определений слова *культурный* в том же словаре). Антитезой к слову *интеллигентный* в современном языковом сознании будет не столько *невежда*, сколько *невежа* (а к слову *интеллигент* – не *мещанин*, а *хам*).

Понятие о просвещенности как свойстве более внутреннем, чем образованность, и более высоком, чем простая воспитанность, исчезает из языка. Освободившуюся нишу и занимает новое значение слова *интеллигентность*: человек интеллигентный несет в себе больше хороших качеств, чем только воспитанный, и несет их глубже, чем только образованный.

Таким образом, понятие “интеллигенция” в русском языке, в русском сознании любопытным образом эволюционирует: сперва это “служба ума”, потом “служба совести” и, наконец, если можно так сказать, “служба воспитанности”.

“Интеллигенция” в первоначальном, этимологическом смысле слова, как “служба ума”, была обращена ко всему миру, живому и неживому, – ко всему, что могло в нем потребовать вмешательства разума. “Интеллигенция” в теперешнем, заключительном смысле слова, как интеллигентность, “служба воспитанности”, “служба общительности”, проявляется только в отношениях между людьми, причем между людьми, сознающими себя равными, “ближними”, говоря по-старинному.

...А интеллигенция в промежуточном смысле слова, “служба совести”? Она проявляет себя не в отношениях с природой и не в отношениях с равными, а в отношениях с высшими и низшими – с властью и с народом. Причем оба этих понятия, и “власть” и “народ”, достаточно расплывчаты и неопределенны. Именно в этом смысле интеллигенция является специфическим явлением русской жизни второй половины XIX – начала XX в., – тем самым явлением, которое находится в центре внимания этого сборника. Оно настолько специфично, что западные языки не имеют для него названия и в случае нужды транслитерируют русское: *intelligentsia*» [Гаспаров, 1999].

Приведенные цитаты достаточно велики, чтобы дать представление о том, насколько безнадежно запутывается исходный вопрос, если в него внести такую тонкую и трудноуловимую материю, как нравственные качества *интеллигента*. Достаточно сделать ничтожный уклон в эту сторону, и рассматриваемая проблема моментально превращается в другую, так что мы, сами не заметив, начинаем выяснять не *кто* такой интеллигент, а *какой* он. И как ни интересен сам по себе вопрос о том, каковы нравственные качества типичного (или, может быть, идеального?) интеллигента, но, даже ответив на него, мы можем остаться в неведении относительно сущности того кардинального признака, который мы называем *интеллигентностью*. К тому же, не решив предварительно, какой точный смысл мы вкладываем в понятие *интеллигент*, и полагаясь лишь на свое интуитивное

представление о предмете, обозначаемом этим словом, мы рискуем окончательно запутаться, как это обычно и бывает при подобных спорах.

Поэтому, отвергнув данный – весьма популярный, но, на наш взгляд, мало-продуктивный – подход к проблеме, вернемся несколько назад и обратим внимание на то, что данное выше объяснение слова *интеллектуалы* (*intellectuals*) почти дословно совпадает с определением слова *интеллигенция* в современных русских толковых словарях. Точно так же трактует эти определения и авторитетный двуязычный словарь, переводящий английское *intellectual* как «интеллигент, представитель интеллигенции», а *the intellectuals* – русским «интеллигенция» [Большой англо-русский словарь, т. 1, 1979, с. 724]. Приходится признать, что составители словарей, люди, несомненно, компетентные в вопросах лексикологии и семантики, по существу, стоят на той же позиции, что и уже поверженные нами «нигилисты». Поскольку спорить с лексикологами не хочется, да и, по видимому, они правы в своих утверждениях, а с другой стороны, никак нельзя согласиться с теми, кто отрицает интеллигентность как реально существующее человеческое качество, остается один выход<sup>1</sup>: считать, что *принадлежность к интеллигенции* и *интеллигентность* – два логически независимых свойства, т.е. конкретный человек может принадлежать к интеллигенции, но не обладать качеством интеллигентности, и наоборот. Несмотря на неожиданность и даже внешнюю парадоксальность этого вывода, он оказывается верным и позволяет распутать большинство тех хитросплетений, которыми сопровождается решение интересующего нас вопроса.

### Две интеллигенции

Взяв на вооружение этот освященный авторитетом Шерлока Холмса тезис, мы оказываемся именно в той точке, где произошла подмена близких по смыслу понятий. Когда Жуковский, используя слово *интеллигенция* для обозначения того круга лиц, которые исполняли в русском обществе функцию ума<sup>2</sup> и от его имени высказывали некоторые обращенные ко всему обществу мнения, указал на петербургское дворянство, он, вероятно, вовсе не имел в виду, что принадлежность к столичному высшему свету сама по себе делает человека способным исполнять данную функцию. Он лишь подчеркнул то обстоятельство, что не имеет смысла искать таких людей за пределами данного узкого кружка. Возможно, поэт несколько перегнул палку, столь резко ограничив слой, из которого в то время рекрутировались представители интеллигенции, но с точки зрения обсуждаемой нами проблемы гораздо важнее тот факт, что, по его мнению, роль общественного

---

<sup>1</sup> Как говорил Шерлок Холмс, «отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина».

<sup>2</sup> Именно ту функцию, которую М. Л. Гаспаров определил как «службу ума».

разума могут играть лишь вполне определенные люди – люди, имеющие особые качества. Естественным образом, хотя и не сразу, необходимое для выполнения этой функции качество (или совокупность качеств) получило в русском языке наименование *интеллигентности*, а, соответственно, субъекты им обладавшие стали именоваться *интеллигентными людьми* или просто *интеллигентами*. Таким образом, можно сказать, что сначала интеллигенция в России формировалась как совокупность лиц, которые, по существу, были интеллигентами, хотя так они еще не назывались. Но очень быстро – на протяжении всего нескольких десятилетий – это положение существенно изменилось. К концу девятнадцатого века основную массу интеллигенции составляли уже не случайные люди, возникающие как побочный результат расширяющегося европейского воспитания и образования и объединяемые в совокупность лишь на основе их выраженной интеллигентности, а те, кто заранее избрал деятельность на «службе ума» в качестве своей профессии и специально к ней готовился, получая соответствующее образование сначала в гимназии, а затем в университете. Это было следствием того, что русская интеллигенция (т.е. интеллигенция Российской империи) профессионализировалась и функцию общественного ума стали выполнять не отдельные лица, произвольно объединявшиеся в какие-то кружки, группки и течения (вроде кружка «Арзамас» или «Вольного общества любителей российской словесности»), но специфические профессиональные сообщества – врачей, юристов, историков, филологов, художников, журналистов и т.п., – спаянные более или менее жесткой корпоративной дисциплиной, имеющие свои табели о рангах и внутреннюю субординацию, а кроме того – что немаловажно – служащие основным источником дохода для большинства их членов. Тем самым интеллигенция в России оформилась как особый социальный институт, выполняющий специальную общественную функцию – функцию ума. Здесь стоит заметить, что поскольку все общественные функции, связанные с европейским развитием, в России традиционно брало на себя государство<sup>1</sup>, институт интеллигенции в значительной мере формировался государством, и быть членом «службы ума» в большинстве случаев одновременно означало состоять на государственной службе, так что почти всякий филолог был чиновником такого-то класса (с соответствующими наградами, видами на пенсион, казенной квартирой, командировочными и т.д.), а окончившие Императорскую академию художеств с золотой медалью получали не только звание художника, но и чин коллежского секретаря. Эволюция интеллигенции от разрозненных группок первобытных интеллигентов к патронированному государством комплексу социальных институтов привела к незаметному смещению смысла соответствующих слов: теперь уже не *интеллигенция*

---

<sup>1</sup> «...правительство всё еще единственный Европеец в России...» [Пушкин, т. 16, 1949, с. 422].

понималась как совокупность всех *интеллигентов* (т.е. *интеллигентных* людей), а напротив, слово *интеллигент* стало означать человека, достаточно активным образом участвующего в деятельности профессиональных организаций, представлявших *интеллигенцию*. И здесь наш язык не ошибся. Действительно, если исходить из «жуковского» (и «латинского») понимания слова *интеллигенция*, то в основе его значения должна лежать функция, и тогда *интеллигенцией* должны называться любые выполняющие эту функцию социальные структуры и, соответственно, составляющие их члены.

В результате мы имеем дело со своеобразной языковой ситуацией: как слово *интеллигенция*, так и слово *интеллигент* употребляются сегодня в двух – очень близких, но не совпадающих – значениях, в «старом» и в «новом».

<sup>1</sup>**Интеллигенция** – совокупность всех <sup>1</sup>интеллигентов.

<sup>2</sup>**Интеллигенция** – комплекс организаций и социальных институтов, выполняющих функцию ума в обществе.

<sup>1</sup>**Интеллигент** – человек, способный выполнять функцию ума в обществе.

<sup>2</sup>**Интеллигент** – член корпорации, называемой <sup>2</sup>интеллигенцией.

Поскольку значительная часть <sup>1</sup>интеллигентов одновременно является и <sup>2</sup>интеллигентами, путаница обеспечена, и начав, говорить об одном из этих предметов, мы легко перескакиваем на другой, так как и в том, и в другом случае речь, большей частью, идет об одних и тех же людях.

Понятно, что, работая в одной из относимых к «службе ума» организаций и даже занимая в ней руководящую должность, человек не выполняет функцию ума в обществе – ее выполняет организация в целом, – и потому было бы странно требовать от него обладания какими-то особыми душевными качествами, достаточно того, что он оказывается способным эффективно выполнять свои служебные обязанности. Мы же не требуем от каждой гайки в быстроходной машине, чтобы она тоже была быстроходной, нет, напротив, для обеспечения быстроходности всей конструкции гайка на своем месте вовсе не должна двигаться. Исходя из этого, от <sup>2</sup>интеллигента и не требуется непременно наличие интеллигентности, главное, что от него требуется, это наличие специальных познаний и навыков, позволяющих ему работать на занимаемой должности. Имея их, он вполне может оставаться тем *простым человеком*, которого мы ранее противопоставили интеллигентам<sup>1</sup>, его работе это никак помешать не может. Тогда, естественным образом, на первый план в определении *интеллигента* выходит уровень специального образования, и то это вызвано не логической необходимостью, а потребностью избежать такой неудобной ситуации, в которой к интеллигентам придется причислить всех вахтеров и сантехников, работающих в аппарате Академии наук.

---

<sup>1</sup> Здесь мы уже можем уточнить, что речь шла, конечно, об <sup>1</sup>интеллигентах.

Мы приходим к выводу, что *интеллектуалы*, от которых никто никакой особой интеллигентности не требует, удовлетворяясь занимаемым ими положением в обществе, и <sup>2</sup>*интеллигенты* фактически во всем равны между собой, и следовательно, правы составители словарей, приравнивающие эти слова по смыслу. Конечно, употребление этих слов в различных контекстах не всегда совпадает в разных языках, но это легко объяснить своеобразием взглядов, исторически сложившихся в той или иной стране, на то, какие сферы деятельности следует относить к «службе ума». Рассуждая подобным образом далее, следует признать, что как среди <sup>2</sup>интеллигентов можно встретить <sup>1</sup>интеллигентов, так же они должны встречаться и среди интеллектуалов, и если на Западе о них не говорят, то лишь потому, что там по традиции не принято выделять этих людей в особую группу<sup>1</sup>.

### Библиография

Большой англо-русский словарь. В 2 т. / под рук. И. Р. Гальперина. Т. 1. А–Л. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1979. – 824 с.

Большой немецко-русский словарь. В 2 т. / под рук. О. И. Москальской. Т. 1. А – К. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1969. – 760 с.

*Вайль, П.* Карта родины. – Москва : Независимая газета, 2003. – 416 с.

*Виноградов, В. В.* История слов. – Москва : РАН, 1999. – 1142 с.

*Гаспаров, М. Л.* Записи и выписки. – Москва : НЛО, 2001. – 416 с.

*Гаспаров, М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://imwerden.de/publ-1448.html> (дата обращения: 15.10.2018).

*Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь. – Москва : Русский язык, 2000. – 847 с.

*Ожегов, С. И.* Словарь русского языка. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1968. – 900 с.

*Пушкин, А. С.* Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 16. Переписка, 1835–1837. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – 503 с.

Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : История и типология. (Материалы международной конференции. Неаполь, май 1997) / сост. Б.А. Успенский. – Москва : О.Г.И., 1999. – 152 с.

*Степанов, Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. – Москва : Академический проект, 2001. – 990 с.

---

<sup>1</sup> «Русские интеллигенты уверены, что таких, как они, больше на свете нет. Расхожая схема: в России – интеллигенция, на Западе – интеллектуалы. Противопоставление надуманное и бессмысленное. Интеллектуал – определение техническое: человек, занятый умственной деятельностью. Интеллигент – тот, чьи умственные, духовные и душевные интересы выходят за пределы работы и семьи. Таких сколько угодно на Западе, они отдаются по-настоящему, истово – пацифизму, феминистскому движению, борьбе за выживание кашалотов, за права индейцев, за спасение совы в лесах Северной Дакоты» [Вайль, 2003, с. 137].